

Марина
СЕРОВА

**АБОНЕНТ
ДОСТУПЕН**

Марина Серова
М
Личный детектив Татьяна Ковалева

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Абонент доступен
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51807231

Абонент доступен / Марина Серова: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-111591-3

Аннотация

Татьяне Ивановой звонит ее давний клиент Степан Пожаров и просит о срочной встрече. Он сообщает, что один за другим умирают от сердечных приступов люди, бывшие приближенными предсказателя Энио, который полгода назад покончил с собой. Тогда его должны были со дня на день арестовать, и к этому приложила руку Татьяна. Теперь Степан уверен, что опасность грозит ей самой – за Энио явно кто-то мстит...

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Марина Серова

Абонент доступен

© Серова М.С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Вот вроде бы ничего нового с тобой не произошло. Всё, как у всех, и всё, как всегда. Сначала люди находят друг друга, а потом теряют из вида. Причины этому разные, последствия тоже. Переживаем, плачем, протестуем или радуемся, облегченно уходим во все тяжкие и расправляем мощные крылья, которых раньше не чувствовали. И из какого только места они выросли, не подскажете?

Подруга Наташка была из тех, кто на крылья хотел плевать с высокой колокольни. Они ей мешали. Ей не посчастливилось стать той самой единственной в жизни того самого единственного, на которого она возлагала бы большие надежды. И, полагаю, ее последний «тот самый» был рад тому, что у них не сложилось. Уж слишком многого от него хотели.

Наташка вообще была девушкой требовательной. Всего она мне не рассказывала, но я примерно знала, кто на этот раз стал инициатором разрыва. И понимала ее бывшего, и в глубине души желала ему счастливо пройти курс исцеления от последствий женского прессинга.

В очередной раз оставшись у разбитого корыта и не желая рыдать на его обломках, подруга попросила меня на один вечер разделить с ней участь несчастной русской бабы.

– За мой счет, разумеется, – уточнила она. – И обещаю не ездить по мозгам. Мне просто нужна компания в лице здра-

вомыслящего и не обремененного семейными узами человека. Потому что сейчас, вот в этот самый момент, мне меньше всего хочется, чтобы кто-то вдруг невзначай начал рассказывать, в какой позе они сексом занимаются. Без обид, Тань?

– Без обид, – на полном серьезе ответила я. – Сама терпеть не могу, когда кто-то пирует на чужих развалинах. А что, угощаешь?

– Многого не жди, – предупредила Наташка, – но выпить куплю. Заказывай. Да, а когда приезжать-то?

Договорились на следующий вечер, который, ко всему прочему, оказался вечером пятницы.

Наташка приволокла сумку домашней еды. Готовить она любила, остановить ее было трудно, поэтому итоговым количеством того, что выходило из-под ее рук, можно было впоследствии накормить небольшой ансамбль песни и пляски. Мне она привезла овощной плов и гору незамысловатого печенья.

– Это тебе на жизнь, – пояснила она, выставляя контейнеры на мой кухонный стол. – А это, – она кивнула в сторону тяжелого пакета, – я по пути прихватила. Колбаска там всякая, сырочек, зефир по акции.

В сумке помимо прочего обнаружилось пиво.

– А вдруг захочется и его? – объяснила Наташка. – Пусть будет. Выбор – это ведь неплохо, правда?

– Не стану возражать, – ответила я и отправила пиво в холодильник.

Наташка внимательно наблюдала за моими действиями. Тот бравый вид, с которым она ворвалась в квартиру полчаса назад, стремительно испарялся. Похоже, запал кончился. Нужно было успеть поставить ее душевное состояние на «нейтралку», чтобы не дать расклеиться.

– Помой-ка помидоры, – попросила я.

Она послушно выполнила просьбу.

Накрыв на стол, мы откупорили бутылку розового вина.

– Никогда такое не покупала, даже в мыслях не было, – призналась Наташка, беря бокал в руку. – И цена не сильно высокая. Впрочем, я не знаток. А ты? Может, я купила какую-нибудь дрянь?

– Я тоже знатоком себя не считаю, – успокоила я ее. – Но на дрянь не похоже.

– А то подумаешь чего, – продолжала подруга. – Я дегустировать не умею. Вино есть вино, выпил – налей себе еще, правда? Но у этого цвет, Тань, как слеза.

– Как розовая слеза, – согласилась я.

– Как розовая слеза, – повторила подруга. – Попробуем?

– И не один раз.

– Тогда давай-ка выпьем, пожалуйста, – попросила она. – Душа горит, но плакать я не буду. И вспоминать хочу только о хорошем. За нас!

Мы чокнулись. На вкус вино оказалось настолько паршивым, что мы уставились друг на друга, не зная, как реагировать. Ни она, ни я не захотели ударить в грязь лицом.

– Неплохо ведь, – с сомнением в голосе произнесла Наташка. – Очень неплохо.

– Хорошее вино. На ценителя, конечно, но хорошее, – подтвердила я. – Надо записать название, чтобы не забыть. А лучше сфотографирую бутылку. Так надежнее.

– Согласна. Чтобы снова не нарваться, – энергично закивала Наташка. – Может, по пивку?

Она достала из холодильника пиво.

– Вот это точно не разочарует.

Не в первый раз Наташка приходила ко мне «лечиться» после разрыва отношений. На моей памяти это случалось трижды. Она утверждала, что мое общество помогает ей мало-мальски восстановить душевное равновесие. Подруга, надо отдать ей должное, нытиком никогда не была. Всегда страдала достойно, мужественно принимая факт очередной неудачи на личном фронте. Не ныла, не размазывала слезы по лицу и не задавала, как другие, вопрос «что мне теперь делать?», которого я боялась как огня, потому что никогда не знала ответа. Наташка подобным меня не мучила.

Тот, с кем у нее в очередной раз не сложилось, носил красивое имя Генрих, был младше подруги на два года, зарабатывал больше ее раз в пять и подкатил к ней первым. Их роман стремительно перерос в совместное проживание на его территории, на которой в течение последующих полутора лет они вместе засыпали и просыпались, ссорились, мирились и даже успели сделать косметический ремонт. А по-

том Наташка поняла, что Генрих к ней остыл.

– И тут я удивила сама себя, – сказала она. – Я не стала пытаться возродить наше счастливое прошлое. Впервые в жизни я решила не бороться за нас.

– Или за себя, – предположила я.

Наташка внимательно посмотрела на меня.

– Или так, – подтвердила она. – Оно того не стоило. И не потому, что Генрих был придурком... нет, не был. Он классный. Он не лжет, это чувствуется. Ну, к примеру, если я с утра была похожа на картошку в мундире, он никогда не вешал лапшу на уши о том, что я прекрасно выгляжу. Наоборот. Так и говорил: «Ты похожа на картошку в мундире».

– Тебе не было обидно? – спросила я. – Иногда хочется услышать неправду, даже если все шито белыми нитками.

– Фигня, – отмахнулась Наташка. – Он умел преподнести это так, что становилось смешно.

– Но в конце концов ты поняла, что он не испытывает к тебе чувства, – напомнила я. – С чего бы?

– Перегорел, – тихо ответила подруга. – Устал от себя, устал от меня. И от нас он тоже устал. Возможно, захотел снова глотнуть свободы, которую я у него, кстати, и не отнимала. Он был первым, кого я не контролировала.

Мне хотелось спросить о том, о чем, возможно, Наташка и сама догадывалась, но по какой-то причине решила не озвучивать свои соображения. Но тему измены я решила не поднимать – уж слишком неприятной она была бы для той,

которая снова потерпела фиаско. Но Наташка сама решила поделиться.

– Тань, я ведь не была влюбленной душой, – грустно улыбнулась она. – Знаешь, есть люди, которые отмечают вполне жизнеспособные причины расставания. Стоят на своем. «Нет, меня нельзя ни на кого променять, и точка!» Конечно, можно. И я в первую очередь подумала об этом. Но все говорило о том, что никого у Генриха на тот момент не было.

– Уверена?

– Не знаю, – пожала плечами Наташка, – мне казалось, что это всегда видно. Ты чувствуешь перемены в человеке. Они не всегда ярко выражены, чаще всего плохо скрыты. Но иногда спрятаны очень глубоко. Я практически всегда чувствую такие вещи. Что-то происходит, я даже описать это не могу. Так вот, другой женщины на горизонте нет.

Я не раз слышала об эмпатии. Похоже, Наташка имела в виду именно ее. Она присматривалась к человеку и «читала» его по жестам, реакциям, фразам. Эта тема была мне интересна.

– Приведешь примеры? – попросила я.

– Конечно. Сок. Обычный сок. Я люблю вишневый, и Генрих об этом знал. Покупал мне его всегда. Но в один прекрасный момент, поставив пакет с соком на стол, на мою благодарность ответил иначе, чем раньше. Равнодушно заметил, что просто взял тот сок, который был на ближайшей полке.

– Ну и что тут такого? – не поняла я.

– Ничего такого, – ответила подруга. – Он просто взял то, что было удобнее взять. И если бы там стоял яблочный сок, то он бы купил его. А я яблочный не очень. У меня от него изжога.

– Сложно.

– Нет, – покачала головой Наташка. – Все просто, если посмотреть с другой стороны. Просто тогда, в магазине, он произвел механическое действие.

Я подлила в стакан подруге пива. Не забыла и про себя. И попыталась оправдать поступок незнакомого мне Генриха.

– Он действовал бессознательно. Он помнил про сок, но забыл, какой именно ты любишь. Значит, голова была занята чем-то другим, – попробовала я оправдать его действия. – Но факт остается фактом: сок-то он тебе принес. Если бы ему было все равно, он бы снял с полки дрель и купил ее.

– Принес, – подтвердила Наташка. – Только не тот, который был нужен. Ой, все, Тань. Знаю, что ты подумаешь. Мол, он всегда должен держать какие-то мелочи в голове, а я капризничаю. Так?

Она почти угадала мои мысли.

– Поспешу тебя уверить, что я не требовала большего, чем мой мужчина мог себе позволить, – объяснила подруга. – Скажи мне, если бы что-то было в твоей жизни стабильно, а потом по непонятной причине вдруг изменилось, ты бы это заметила, правда?

Я задумалась. И вспомнила, как долго привыкала к новой

сумке. Со старой я обращалась вслепую и никогда не промахивалась. А вот с новой пришлось помучиться. То ключи мимо положу, то застёжка найдется не на том месте, то пальцы вдруг вместо широкого ремня обнаруживают тонкий.

– Это да, – согласилась я. – Понимаю, о чем ты.

– Правда?

– Правда.

Мы перебрались в комнату. Разложили на полу толстые журналы, поставили на них стаканы и тарелки. Курили. Наташка была очень расстроена. Но не плакала, хоть и могла бы, наверное.

– Что-то у него случилось, – подвела она итог, – а мне он рассказывать не стал.

– Это точно не другая женщина?

– Нет, – ответила Наташка. – Если бы это была другая женщина, то одним соком не обошлось бы. Проявилось бы в чем-то еще.

И ведь не поспоришь.

Мы болтали еще очень долго. Единственное, о чем подруга сожалела, так это о том, что не успела узнать у Генриха о его проблемах.

– Я просто спросила: «Чем тебе помочь?» А он промолчал. Я подождала пару дней, а потом собрала вещи и вернулась домой, к маме и кошкам. Оставила записку, написала в ней, что, наверное, ему хочется побыть одному. Что не бросаю его и буду ждать звонка. Все-таки жили мы в его доме,

Тань, поэтому уходить нужно было мне.

– И что же он? Не объявился?

– Прислал сообщение. Поблагодарил за понимание, и всё.

– Как интересно, – удивилась я.

– Интересно то, что я знаю, что поступила правильно, – подвела черту подруга. – Но это не гарантия успеха. Все равно ничего не вышло.

Посадив подругу в такси, я стала убирать следы нашего пиришествия. Пылесосила, мыла посуду, складывала в пакет мусор. А в голове прокручивала наш разговор. Правда, больше думала не о том, как сложно соткана человеческая психика. Я вдруг самым серьезным образом осознала, что люди редко присматриваются друг к другу. А если это все-таки происходит, то мы можем делать выводы, основанные только на том, что лежит на поверхности. А как же внутренние переживания того, кто рядом?

Почувствовав, что залезаю в какие-то философские дебри, я бросила уборку на полпути и решила, что пришла пора баиньки. В конце концов, все, о чем мне поведала Наташка, меня никак не касалось.

...

Утром следующего дня я отправилась в магазин, чтобы пополнить продовольственные запасы. Звонок от Степана Пожарова застал меня в тот момент, когда я красиво не вписалась в узкий дверной проем при входе в универсам.

Ударившись плечом о стену, я все-таки проникла внутрь.

И только тогда услышала телефонный звонок, доносящийся из сумки.

– Занята?

Ни «привет», ни «здравствуй». Что ж, заплатим той же монетой.

– Занята.

– Встретиться не хочешь?

– Зачем?

Его тон был нетерпеливым, это меня и насторожило.

– Тань, я просто так звонить бы не стал.

И ведь не поспоришь. Пожаров был моим бывшим клиентом, и дело, которым я занималась, не являлось проходным. В процессе расследования нам всем пришлось несладко. Понадобилось приложить много усилий, чтобы распутать узел, состоящий из лжи, кучи денег и тонны скрытых человеческих пороков, чтобы вывести кое-кого на чистую воду. Цена была очень высокой.

С того времени прошло примерно полгода. Мне казалось, что ничто уже не напомнит о прошлом, но тот факт, что Степан проявился спустя время, доказывал обратное.

– Я сейчас в магазине, – сообщила я ему. – Как вернусь домой, могу тебя набрать.

– В каком ты магазине?

– А что такое?

– Да я просто сейчас свободен. Могу подвезти. Могу встретить, могу помочь. Что там у тебя, я же не знаю. Можем

совместить полезное с важным.

Я назвала адрес.

– Знаю, где ты, – сказал он. – Буду минут через сорок, не долго?

– В самый раз, – вздохнула я, всматриваясь в толпу, которая атаковала новые торговые площадки. – На стоянке?

– Да, припаркуюсь там. Перед выходом набери меня, – попросил он.

Все время, оставшееся до встречи, я провела в размышлениях о том, зачем я ему так срочно понадобилась. Конечно, кое-какие догадки у меня были, но очень не хотелось, чтобы они подтвердились.

...

Загрузив пакеты с покупками в багажник своего внедорожника, Пожаров галантно открыл мне дверь, приглашая сесть в машину. С момента нашей последней встречи он ничуть не изменился. Рыжий – под стать фамилии, с усами и короткой моднявой бородкой. Пожаров питал страсть к самым обыкновенным мужским рубашкам. Он всегда закатывал рукава до локтей и сочетал рубашки отнюдь не с офисными брюками или строгими пиджаками, а с джинсами и спортивной обувью. Довершала картину кепка с козырьком, напоминающим утиный клюв.

– Совершенно не изменился, – заметила я, вытягивая ремень безопасности.

– А вот ты поправилась, – ляпнул Пожаров. – Но не на-

столько, чтобы я мог тебя не узнать. Тебе идет, кстати.

Я действительно набрала несколько килограммов за время последнего отпуска и расставаться с ними не спешила, потому что они совершенно мне не мешали. Он коснулся рукой своей груди.

– Вот тут у тебя вообще все стало идеально.

– Нахал, – не осталась я в долгу. – Еще одно слово, и мы распрощаемся.

– И ведь ты будешь права, – согласился он и повернул ключ в замке зажигания. – Слушай, а вот эти сумки твои, ты же сейчас домой собиралась, наверное? Тогда поехали.

– Куда поехали? – не поняла я.

– К тебе домой, – повторил Пожаров, выруливая с парковки. – Показывай дорогу.

Я накрыла ладонью его руку.

– Стой, стой. Что происходит?

Степан даже скорость не сбросил.

– Мама умерла. Два месяца назад, – сказал он.

– Ох, Степ... Мне жаль. Господи, мне так жаль...

– Такие дела, – тихо пробормотал Пожаров. – Но я не по этому поводу захотел встретиться. А может, и по этому. Но в машине говорить не хочу.

– Конечно, Степ. Поедем ко мне.

В моей квартире Степан не был ни разу. Надо отдать ему должное, впервые оказавшись у меня дома, он не стал оценивать неудачный ремонт и с порога сыпать советами или

замечаниями. Он просто помог мне с сумками, после чего попросил сделать ему чашку кофе.

Мы расположились на кухне. К кофе я предложила бутерброды, от которых Пожаров отказался.

– Рассказывай, – потребовала я, когда кофе был разлит по чашкам, а мой неожиданный гость устроился за столом. – Я так понимаю, что дело срочное.

– Очень срочное.

Он снял кепку и надел ее на свое колено.

– Я не знаю, с чего и начать, – признался он. – Про маму ты уже в курсе.

– Да. Как это произошло?

Мой знакомый посмотрел на меня очень внимательно.

– Инсульт. Она ведь так и не поправилась после того случая.

...

Человек, представившийся Степаном Пожаровым, попросил приехать к нему домой. С его слов я поняла, что он хочет, чтобы я лично побеседовала с его матерью. Добавил, что дело важное и срочное.

– Мать больна, – предупредил он по телефону. – Долго говорить не может – устает. Но именно она прояснит ситуацию.

Поехала я на своей машине. Дорога до нужного адреса заняла что-то около часа. Дело было ранней весной, и загородные дороги местами оказались обильно покрыты грязным,

подтаявшим снегом.

Степан встретил меня возле ворот. За высокой кирпичной оградой виднелся добротный двухэтажный дом. Пожаров распахнул стальные ворота, чтобы я смогла припарковать машину рядом с домом.

На парковке обнаружилась еще одна тачка. Это был новехонький внедорожник, который, похоже, принадлежал хозяину.

Пожаров проводил меня в дом, который внутри оказался очень уютным. Никаких тебе статуй с фонтанами, мраморных холлов или каминных залов. Ноль пафоса и большое количество разлапистых пальм в деревянных кадках, расставленных по углам.

– Нам на второй этаж, там моя территория. А на первом мать хозяйничает. Пойдем, пойдем, – поторопил он меня. – Я уже чай соорудил.

Комната, в которую мы пришли, могла выполнять множество функций. Здесь можно было и отдыхать, и работать – хозяин устроил все так, чтобы самое необходимое было под рукой. На диване лежал плед, под которым совсем недавно кто-то отдыхал. Письменный стол самой простой конструкции в центре комнаты, а в углу – еще один, поменьше. На нем красовался огромный монитор, рядом с которым лежала внушительная стопка дисков с компьютерными играми.

На этой стопке я и задержала взгляд дольше всего. Возможно, в доме проживал подросток. Но Пожаров тут же ре-

шил объясниться.

– Это мое, – объяснил он. – Я геймер и не вижу в этом ничего зазорного. Очень помогает отвлечься от жизненных реалий. Всем советую.

– С моей стороны осуждения не будет, – уверила я его. – Я знакома с женщиной, которая в свободное от работы время увлекается изготовлением мебели. Делает скамеечки и книжные полки. Тоже стресс снимает. Так что ваше хобби вполне себе нормальное.

– Все мы больны, – заметил Степан.

– Можно и так сказать, – согласилась я.

Пожаров пригласил меня присесть на один из диванов, а сам направился к окну. Взяв с подоконника поднос с чайником и чашками, он вернулся и сел рядом.

– Значит, так, – начал он, осторожно протягивая мне чашку с чаем, – прежде чем вы с мамой начнете, я введу вас в курс дела.

– Внимательно слушаю.

– Сколько вам лет?

Не так уж и часто люди интересовались моим возрастом, но если клиенту эта информация казалась важной, то я ему не отказывала.

Пожарова мой ответ вполне устроил.

– Мы почти ровесники, – заметил он, – поэтому я и спросил. Это хорошо, поскольку я ненароком могу сорваться на «ты». Работа располагает.

Он уже успел сообщить, что руководит строительными бригадами. Я хорошо запомнила этот факт.

– Иногда приходится разговаривать с народом на том языке, который ему больше понятен, – пояснил Пожаров. – Так что ты уж прости меня заранее, если я позволю себе выразиться.

– Нет вопросов, – успокоила я его. – Я знаю этот язык в совершенстве.

– Ну и отлично. Так вот. Ты слышала про Энио?

Это имя было мне знакомо. В последние несколько лет оно звучало из каждого утюга. Так звали человека, который позиционировал себя как практикующего предсказателя. Слава о нем давно уже покинула пределы Тарасова. Сама я никогда не пользовалась его услугами, но некоторые знакомые, побывавшие на его шоу, находились впоследствии под большим впечатлением. Я, если честно, сторонилась тех, кто, как и Энио, являл миру свои волшебные способности. Уж сколько ему подобных было раньше! И каждый со временем был разоблачен, но до того момента успевал натворить дел, обманывая доверчивых граждан.

Объяснение этому было простым: люди всегда будут искать волшебство. Люди всегда будут рады поверить в чудо.

– Слышала, – ответила я. – Чудо расчудесное вроде. И молодой, кажется. А что, вы как-то пересеклись?

– Да вот, пришлось, – обронил Степан. – Я в двух словах. Маман захотела с ним поговорить тет-а-тет. Я был не против.

Мать моя вообще-то женщина строгая, я бы даже назвал ее циничной. И тут вдруг такая просьба. Я нашел его контакты, договорился. Назначили встречу, он приехал. Мать была довольна поначалу. Я тоже присутствовал, и этот форсаж, который он выкинул, начался не сразу. Все шло к этому постепенно. И поэтому могу точно сказать, что этот Энио явно шарит. Понимаешь, о чем я?

Я поставила чашку на поднос.

– Если честно, пока не понимаю.

– Я ожидал увидеть шоу, – продолжал Пожаров, – каких сейчас полным-полно, но быстро понял, что тут что-то другое. Он реально умеет. Рассказал матери о ее прошлом. Это было впечатляюще.

– А подробнее?

– Как происходило? – уточнил Пожаров. – Мать сидела в кресле, а Энио на стуле напротив. Так и разговаривали.

– А ты где был в это время?

– Стоял около окна.

– И что же, Энио реально предсказал твоей маме будущее?

– В том-то вся загвоздка.

Пожаров подошел к окну, достал из кармана пачку сигарет. Прикурил одну, открыл оконную створку.

– Он мало говорил о будущем. Но основательно покопался в прошлом. И вытащил на свет такое, о чем никак знать не мог.

– Опиши все подробно.

Пожаров повернул ко мне голову. Сигаретный дым стремительно утягивало на улицу.

– Представь, что тебе выдают какую-то тайну из твоего прошлого, – произнес он. – И все вопросы, которые у тебя когда-то были, растворяются, как вот этот самый сигаретный дым. Их не остается. Потому что у этого психа все сразу складывается в нужном порядке. Не поняла? Вот и я не понял, как это у него получилось.

Пожаров словил сильную эмоциональную волну, поэтому я с трудом его понимала. Но ему нужно было знать, что ему верят. Что-то случилось во время того сеанса, и это выбило его из равновесия. Поразило, возбудило и не отпустило до сих пор. И он был вынужден во что-то поверить вопреки здравому смыслу.

– Мистикой не увлекаюсь, – сказал он, заметив мое смятение. – В божества не верю. На приметы плюю с высокой колокольни. Считаю, что все, что нас пугает или идет вразрез с научными фактами типа силы притяжения, можно объяснить с помощью все той же науки. Все, что нас удивляет, на самом деле прячется в наших головах. Но я никогда не отмечаю обстоятельства. Понимаю, что человек с ампутированными ногами не сможет сделать и шага без посторонней помощи, к примеру. Ему будут нужны протезы или инвалидная коляска. Или чье-то плечо, на которое он сможет опереться. Вот тогда он «пойдет». Даже побежит! Чудес не бывает. Разве только отлично сотворенная копия чуда. Я пу-

таюсь сейчас, но... Короче, я прагматичный агностик. Моя мать – такая же. Она бывший партийный работник, если тебе это о чем-то говорит. Мы даже яйца на Пасху красим только потому, что чтим традиции, но не более. А еще потому, что мой прадед был священнослужителем. Хороший был мужик. Ценный кадр в каком-то роде. Понимал, что кроме молитвы существует еще и реальность. Каждому помогал: и хулигану, и вору, и гулящей девке. Не делал различий. Это мне отец про него рассказывал давным-давно, ему-то посчастливилось с дедом пообщаться лично.

– Стоп, стоп. А как связан Энио с твоим прадедом?

Пожаров сморщился.

– Прадед тоже не верил в волшебство и боролся с мракобесием. А в то, что я услышал, я не могу поверить до сих пор.

– И как же это выглядело? – спросила я. – Ну, кроме того, что твоя мама и Энио сидели друг напротив друга, и он выдавал какую-то засекреченную информацию из ее прошлого? Что еще?

Пожаров задумался. Наверное, он впервые с момента магического сеанса задался подобным вопросом.

– Не было ничего, – очень скоро ответил он. – Если ты про немеющие пальцы или провалы в памяти, то ничего такого я не чувствовал. Мать, кажется, тоже.

– Полагаешь, он вас загипнотизировал? – не отставала я. – Может быть такое?

– Я никогда не был под гипнозом, как я сравню? – задум-

чиво произнес Пожаров. – Но кто его знает...

– Ладно, – согласилась я. – Оставим гипноз в покое. Скажи мне вот что: после ухода Энио ничего из дома не пропало?

– Не проверял, – качнул головой Пожаров. – Даже в мыслях не было.

– А спустя время?

– Как это? – не понял мужчина.

– Через сутки, неделю ты или мама не обнаруживали вдруг пропажу какой-то вещи? Скорее всего ценной. Или дорогой сердцу. Не было такого?

– Кажется, не было. Если ты заметила, то обстановка тут простая. Всё на виду. Семейные реликвии есть, конечно, но они не потянут на сокровища. Сейфов в доме нет, потайных комнат тоже. Наличка есть, но ее немного.

Он остановился на полуслове.

– Ты имеешь в виду, что он мог как-то выведать пин-код банковской карты, чтобы обчистить меня? – осенило Пожарова.

– Как вариант, – пожала я плечами. – На всякий случай заблокируй карту, проверь счета.

– Не, не вариант, – отрезал мужчина. – Деньги он снял бы сразу, но такого не произошло. Я только сегодня в банке был. Все в порядке.

– Давай тогда подведем итог, – предложила я и вернула чашку на поднос. – Энио провел сеанс предсказаний, в ко-

тором участвовали ты и твоя мама. Он чем-то удивил вас, и теперь ты хочешь, чтобы я доказала, что он вас обманул?

Пожаров подошел к дивану, протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

– Он знал о том, о чем даже я не знал, – тихим голосом произнес Степан. – Мать это пережила с трудом. Он не имел права залезать так глубоко в чужую жизнь, понимаешь? И как он вообще это сделал?

– Расскажи все с самого начала.

– Пойдем к матери, она сама тебе все расскажет. Сумку можешь оставить тут. Куртку брось в кресло. Ничего не пропадет, обещаю.

Он направился к двери. Мне оставалось только отправиться за ним. Правда, сумку я все же взяла с собой.

...

Мама Степана Пожарова обосновалась на первом этаже. Во всяком случае, Степан по дороге до ее комнаты успел рассказать мне, что все комнаты здесь отданы под ее нужды и интересы. Кладовая, спальня, оранжерея, еще одна кладовая, но уже поменьше, комната для гостей, которых хозяйка практически не принимает, и даже тренажерный зал – вот только то, что я запомнила.

Около широкой белой двери он остановился и взял меня за запястье.

– Значит, так, – проговорил он. – Маму зовут Алевтина Петровна. Человек она крайне консервативный, мыслит чет-

ко и ясно. После сеанса...

– Напомни мне, пожалуйста, когда он состоялся? – попросила я.

– Неделю назад он состоялся, – ответил Пожаров.

– А почему ты обратился ко мне только через неделю после события?

– Потому что думал, что матери полегчает, а этого не происходит. Моей больной старушке становится только хуже. Да и у меня из головы та дрянь не выходит.

Я высвободила запястье и поправила сумку на плече.

– Из того, что ты мне рассказал, я мало что поняла, кроме того, что Энио нарушил покой в этом доме, – сказала я. – Дай мне поговорить с твоей мамой.

Степан взялся за ручку двери.

– Буду благодарен, – произнес он и пропустил меня в комнату.

* * *

После слов Пожарова о том, что его маман ранее работала в партийных сферах и считала религию бесовством, так и казалось, что я увижу худую бабульку в гимнастерке и с папиросой в зубах, которая с порога потребует показать ей партийный билет. На самом же деле Алевтина Петровна напоминала скорее старого работника культуры. Пучок, очки, наброшенная на плечи пушистая шалька. Лицо с приветли-

вой улыбкой и мягкий голос.

Я протянула руку для приветствия.

– Здравствуйте, Алевтина Петровна.

Она удивленно посмотрела на меня:

– Рукопожатие? Мы же женщины! Добрый день.

Пришлось смущенно прятать руку за спину. Пожаров подошел к приоткрытому окну, закрыл створку.

– Простудишься, – буркнул он, исподлобья взглянув на мать, – ведь не май месяц же.

– Так жарко же, сын. Я просто проветривала.

– Проветривала она...

Алевтина Петровна пригласила меня сесть за стол, на котором были разложены какие-то бумаги.

– Если мешают, то можно сдвинуть их в сторону, – сказала она. – Или я уберу. Это старые школьные сочинения. Не мои и не Степины. После смерти мужа я подрабатывала репетитором и теперь просто навожу в бумагах порядок. Никому не нужная макулатура – вот как теперь это называется. Но когда-то все эти листки имели значение и для меня, и для тех, кому я помогала.

Я взглянула на Пожарова. Репетитор? А куда же делся партийный работник?

– Мужа не стало, когда Степан пошел в третий класс, – словно угадала мои мысли Алевтина Петровна. – Воспаление легких, которое врачи не сразу распознали. Я тогда работала машинисткой в райисполкоме, и знаете, это счастье, что мне

подвернулась подработка.

– А в чем же она заключалась?

– Я проверяла тексты, находила в них ошибки и исправляла, – объяснила Алевтина Петровна. – Репетитором меня называли родители тех детей, которым я помогала. Мне было приятно это слышать.

Она стала складывать бумаги в стопки. Я же решила осмотреться. Похоже, в этой комнате Алевтина Петровна так же, как и сын в своей, проводила много времени. Она могла здесь и работать, и отдыхать.

– В общем, вы тут поговорите, а я пока отойду, – сообщил Степан, все еще стоя на пороге комнаты. – Если что, то я рядом. Не забудь принять таблетки, мама.

– Не забуду... иди уже, – отмахнулась Алевтина Петровна.

Вскоре стол был расчищен. На нем осталась маленькая керамическая мисочка с печеньем. Алевтина Петровна села на стул напротив меня.

– Сын сказал, что вас зовут Татьяна, – произнесла она. – Без отчества?

– Без, – кивнула я.

– Ну а я Алевтина Петровна, – улыбнулась она. – Думаю, меня уже представили.

– Так и есть.

Женщина положила руки на стол и сцепила пальцы.

– Попробуйте печенье, – предложила она. – Оно дивное. Сахарное, тает во рту. Степана угостил коллега. Такое пече-

ные делают у него на родине. Привез из Казахстана, кажется... могу путать, простите. Я потом у сына точно узнаю.

Она запнулась, потрясла головой.

– Я после того, что произошло, что-то стала плохо сообщать, – пробормотала она. – Уж слишком все это на меня повлияло, если можно так сказать. Шокировало. Я не ожидала, знаете ли.

Она вдруг заволновалась, словно пыталась оправдаться передо мной за что-то. Чтобы разрядить обстановку, я взяла одно печенье и положила в рот. Оно действительно оказалось очень вкусным.

Алевтина Петровна задумчиво наблюдала за моими действиями. Наконец решила начать свой рассказ.

– Я ведь не верю во все эти гадания и магию, – вкрадчиво произнесла она. – А вы как к подобному относитесь?

– Никогда не увлекалась, – призналась я.

– Вот и я! – воодушевилась женщина. – Но, знаете, наверное, с возрастом многие начинают интересоваться. Причину этого интереса я смогу назвать, пожалуй.

– Буду рада услышать.

Я проглотила остатки печенья и тут же потянулась за вторым. Абсолютное удовольствие. Глупо отказываться. И удобно же – само растворяется на языке, жевать не надо.

– С возрастом у человека появляется много свободного времени, – пояснила Алевтина Петровна. – И ты начинаешь замечать то, на что раньше не обращал внимание. Начина-

ешь задумываться: а как это работает? Неужели и такое бывает? Вот и натыкаешься на всякое, а потом просто начинаешь играть в исследователя. Были бы внуки или работа, то разве я бы захотела услышать какие-то предсказания? Вряд ли. Я бы попросту была занята. Но я бездельничаю, если вы заметили.

Старушка определенно секла в психологии. Интересно, а я буду в ее возрасте на полном серьезе относиться к чему-то потустороннему? Или все зависит от наличия у меня какого-то дела, которое станет занимать все мое свободное время?

– Значит, так, – произнесла Алевтина Петровна. – Скажу сразу, что я не адепт всего такого. Не фанат, как сейчас говорят. Я не религиозна, и у меня сильные сомнения насчет жизни после смерти. Но этот парень, который был здесь неделю назад, и не пытался убедить меня в чем-то этаким. Он вроде бы предсказатель. И в какой-то момент я вдруг сильно захотела пообщаться с таким человеком, как он. Зачем? Не знаю. Seriously. В мои годы нужно думать о завещании, а я вот попросила сына устроить встречу с этим молодым человеком. Сама не понимаю, как такое произошло.

О, я прекрасно знала, как протекает процесс. О сеансах магии много пишут, и я все еще читаю прессу. Реклама не только двигатель торговли. Она незаметно залезает в нашу жизнь, пробирается в мозг, откуда ее уже не выкуришь. Энио был заметной медийной фигурой в Тарасове, да и за его пре-

делами тоже. Афиши были расклеены по всему городу, по телевизору два раза в неделю нет-нет да упоминали его имя, а интернет до сих пор пестрит его фотографиями. Энио выступал под многообещающим девизом «Исправить прошлое никогда не поздно!» и, насколько мне было известно, мог подкорректировать не только чье-то прошлое, но и настоящее с будущим. Пару раз я слышала от знакомых рассказы о том, что Энио реально изменил чью-то судьбу, предостерег, предупредил, а взял за это совсем мало денег. Но данные так и остались неподтвержденными, и ничто не говорило о том, что однажды мне придется столкнуться с теми, кто пострадал от последствий его благодетельствования.

– Сделанного не воротишь, – вздохнула я. – Но, возможно, я смогу помочь вам сейчас.

– Наступил момент, когда я лично захотела пообщаться с этим молодым пророком, – продолжила Алевтина Петровна. – Попросила Степана устроить нам встречу. Тут, кстати, была одна загвоздка, Таня. Несмотря на то что сын – человек обеспеченный, я все же понимала, что не могу заказывать «звезду» на дом. Но мне очень не хотелось тащиться на его шоу, толкаться в темноте в толпе других желающих... Я хотела, если можно так сказать, интима. Я хотела, чтобы он предсказал что-то только мне. Не для чужих ушей.

– И сын, конечно, исполнил ваше желание?

– Разумеется, – кивнула Алевтина Петровна. – Он связался с Энио через его помощника, и ровно неделю назад в во-

семь часов вечера Энио прибыл сюда.

– Представляю ваше волнение.

– Не то слово, – оживилась Алевтина Петровна. – Я ночь перед этим не спала, переживала. О чем я его спрошу? О том, сколько мне осталось? Как я умру, когда это случится? А сын? Что будет с ним? А если вдруг меня ждет что-то страшное, то как можно этого избежать? И возможно ли? Вопросов было столько, что я той же ночью записала их в блокнот. Скажу сразу, что утром этот блокнот потерялся, а вопросы вылетели из головы.

– Мы были в этой комнате, – продолжила она. – Он ведь вблизи совсем другой, Таня. Энио с афиш и Энио, которого я видела вживую, – совершенно разные люди. Нет, не разные. Не так. Это один и тот же человек, но словно... нет, не могу объяснить.

Она снова стушевалась. В комнату заглянул Степан, обвел нас взглядом.

– Ты что-то хотел? – неожиданно властным тоном поинтересовалась Алевтина Петровна.

Пожарова это не смутило.

– Все в порядке, дамы? – осведомился он. – Вам ничего не нужно?

– Все хорошо, – ответила Алевтина Петровна.

– Тогда ладно.

Прикрыв дверь, он исчез.

– Ходит за мной, как котенок за кошкой, – пожаловалась

Алевтина Петровна. – Так и хочется треснуть по носу, чтобы бросил это дело. Так вот, Таня. Я расскажу вам самое главное. Самую суть, чтобы вы поняли, зачем я вас пригласила.

Энио оказался очень воспитанным молодым человеком. Он ваш ровесник, наверное. Стильный, красивый, очень вежливый. Запомнилось, что он был одет в белую водолазку и черные джинсы. Стройный. Не наглый. Поинтересовался моим здоровьем. Красиво себя подал, короче. Я села в кресло, он поставил напротив стул для себя, на таком, знаете, приличном расстоянии. Сразу же попросил приглушить свет, объяснив это тем, что полумрак больше располагает к душевной беседе. Я предложила ему чай, он отказался. Я решила дать ему возможность командовать, с расспросами не лезла. Была очень осторожна. И была готова максимально пространно отвечать на его вопросы, чтобы не сболтнуть что-то, от чего он впоследствии мог бы оттолкнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.